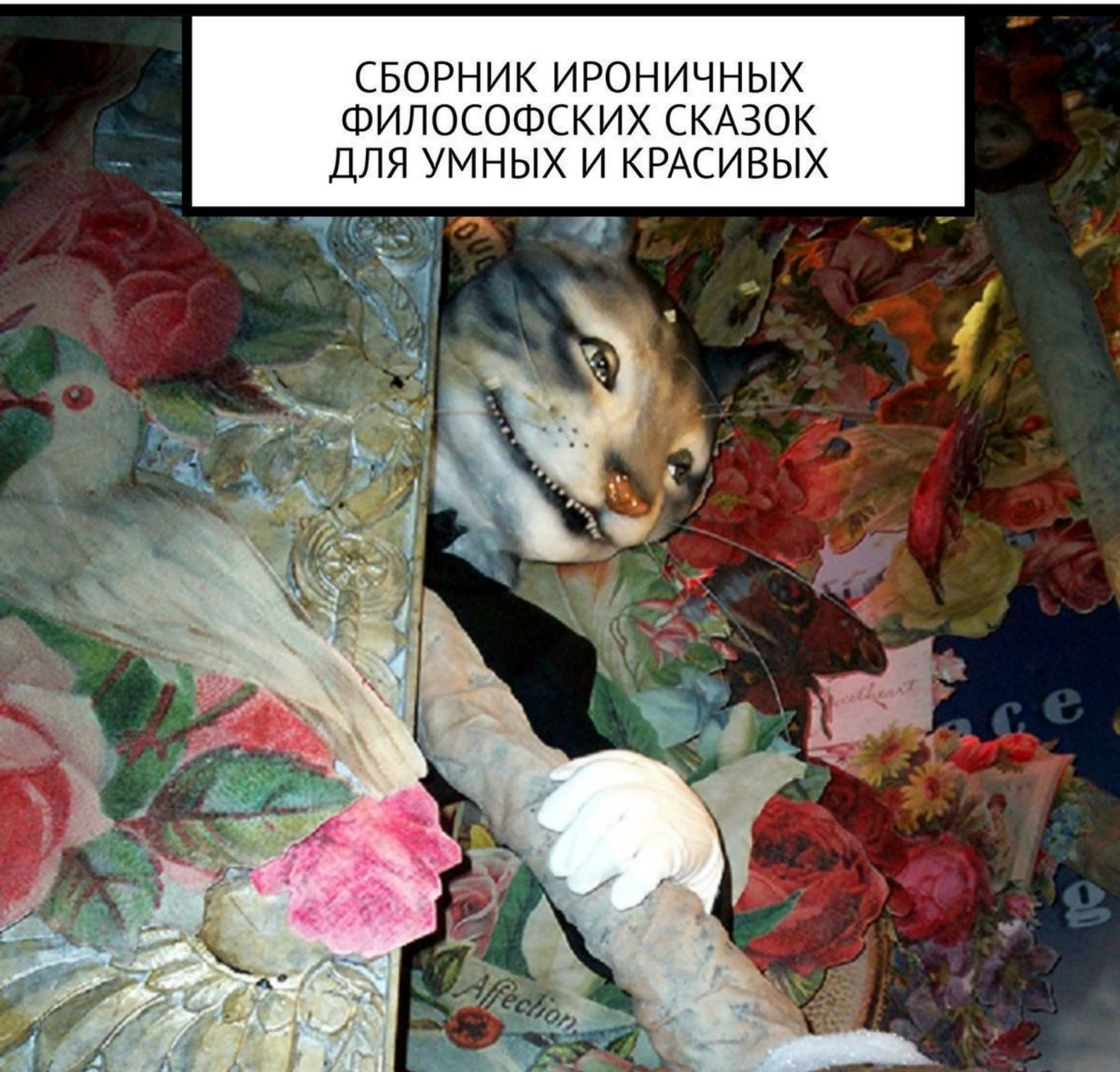

НАТАЛЬЯ ВОЛОХИНА

Озорушки

СБОРНИК ИРОНИЧНЫХ
ФИЛОСОФСКИХ СКАЗОК
ДЛЯ УМНЫХ И КРАСИВЫХ

Наталья Волохина

**Озорушки. Сборник ироничных
философских сказок
для умных и красивых**

«Издательские решения»

Волохина Н.

Озорухи. Сборник ироничных философских сказок для умных и красивых / Н. Волохина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741077-3

Ироничные философские сказки, однозначно, с гораздо большим смыслом, чем кажется на первый взгляд. Сказочный жанр предоставляет уникальную возможность поместить героя в невероятные обстоятельства, наделить необычайными способностями, чтобы иносказательно донести авторскую мысль. Озорство — задорное поведение, способное нарушать порядок. Герои «Озорухек» — обычные люди и сказочные персонажи — с житейскими проблемами получают свой урок, благодаря частушечному, на грани фола, озорству автора.

ISBN 978-5-44-741077-3

© Волохина Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
О вечном	7
Камень счастья	8
Сотворение	10
Царевна, которая стала лягушкой	12
О Несчастном Ване и Добром человеке	14
Собачья жизнь	16
Утиная история	17
Как я мечтал быть устрицей	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Озорушки

Сборник ироничных философских сказок для умных и красивых

Наталья Волохина

Озорство – задорное поведение, способное нарушать порядок, у взрослых людей может спровоцировать скандал.

Фотограф По лицензии Creative commons

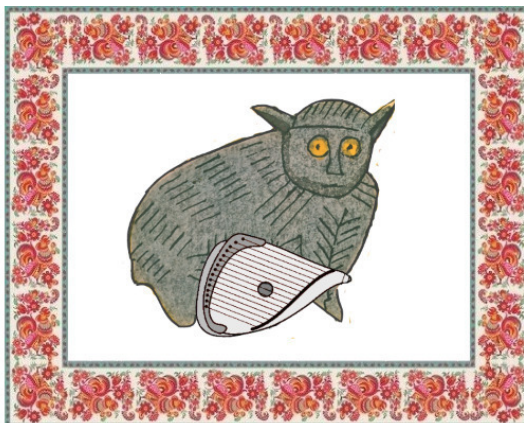
© Наталья Волохина, 2018

© По лицензии Creative commons, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-1077-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Не люблю вступления, введения. Читатель сам разберется, про что и зачем. Постараюсь быть краткой.

Ироничные философские сказки, однозначно, с гораздо большим смыслом, чем кажется на первый взгляд.

Сказочный жанр предоставляет уникальную возможность: поместить героя в небывалые обстоятельства, наделить необычайными способностями, чтобы иносказательно донести авторскую мысль. В сказке, как в театре, разворачиваются невероятные события с вероятностью произвести нужное впечатление, способное подвинуть человека к выбору изменений в лучшую сторону.

Герои «Озорушек» – люди и сказочные существа – с обычными житейскими проблемами, получают свой урок благодаря частушечному, на грани фола, озорству. Вечные истины и ценности через лукавый намек.

В одной из рецензий прозвучало: «Автор выдвигает жёсткое, образное обвинение, а решение не предлагает». Ну, какое решение (рецепт) можно предложить взрослому, инфантильному мужику, с удовольствием использующему жену – мамку? В сборнике по этому поводу сказка «О мужчинах в интересном положении», рассчитанная больше на саму «мамку», в надежде, что «увидев», наконец, гипертрофированный образ мужчины – захребетника, начнет менять свои отношения с ним, станет женщиной. Это в идеале, а в реальности, хоть немножко задумается и захочет ей стать.

Если пересказать коротко сказку «Любовь, или Счастливый брак», получится: о женских заморочках в отношениях с мужчинами. Примитивно? А теперь смотрите: в сказке Нимфа вышла замуж за Эхо. Эхо, между прочим, среднего рода. И пошел невероятный сюжет, очень похожий на бытийный, но, через сказочную ситуацию, позволяющий утрированно выставить напоказ проблему авторитарной, истеричной самки.

А решение (рецепт)? Каждый возьмет, что возьмет, и будет варить в своем котелке, чтобы со временем воспользоваться – ПО-СВОЕМУ.

Надеюсь, что читатель отнесется к моим претензиям на смысл и писательство снисходительно.

Наталья Волохина

О вечном

От Начала времен сидел на Вечном дереве Ворон и от Начала времен сидел под тем же деревом Отшельник. Сидели они рядом многие времена, молчали и думали о вечном.

Мудрый Ворон думал: «Отчего прекрасный павлин так глуп, а голос его столь ужасен? Отчего трясогузка так суетлива, хотя для защиты от опасности и ловли мошек ей не нужно столько вертеться и трясти хвостом? Отчего отважный лев может стать жертвой бестолковых мартышек? Отчего они вызывают во мне одновременно восхищение, отвращение и жалость?»

Мудрый Отшельник думал: «Отчего человек ведет себя глупо, похваляясь красотой тела, выставляя его напоказ? Отчего сильный и смелый может оказаться слабым и беззащитным перед толпой глупых и хитрых? Отчего иной так много суетится, а результат его столь жалок? Отчего одни рвутся получить то, что им недоступно, а другие даже не стремятся к тому, что могут получить с легкостью? Первым не дано, а вторым – безразлично. Отчего они вызывают во мне одновременно восхищение, отвращение и жалость?»

– О чем ты думаешь, Ворон?

– О восхищении, отвращении и жалости.

– А ты, о чем думаешь, Отшельник?

– О восхищении, отвращении и жалости.

– Тогда для чего все?

– Для любви, – прошелестело Вечное дерево, впервые с Начала времен, вступив в разговор мудрых.

Ворон заметил: «А ведь верно! Во время брачных игр павлин прекрасен. А трясогузка, добывая в поте лица пищу для любимых чад, одновременно трясет хвостом, отвлекая хищников от гнезда. Влюбленный лев становится великодушным».

«Конечно, даже глупец, будучи влюблен, способен на необыкновенные поступки, а смелый и сильный может стать нежным, слабым и беззащитным рядом с любимой. Любовная страсть способна подвигнуть одних достичь недостижимого, а других на новые желания и поступки», – проговорил Отшельник.

И оба замолчали на Многие времена, размышляя о вечном.

2015 г.

Камень счастья

С одной дамочкой беда приключилась – стала она всего бояться. Ну, всего – всего: и того, что есть, и того, что нет. Маялась – маялась сердешная и пошла к колдунье. Та пошептала над камешком, завязала его в тряпочку и велела повесить узелок с камешком на шею, а как станет страшно, взяться рукой за него и все пройдет. Все у дамы сразу наладилось. Как испуг какой случится, она хватать за камешек, и как рукой снимет.

Только через какое-то время снова с дамочкой неладное сделалось. Стало ее все раздражать: и запахи, и звуки, и добрые люди, и злые, и умные, и глупые. Даже собственный супруг раздражал беднягу до чесотки. Дочесалась она до кровавых корост и пошла к колдунье. Колдунья испытанное средство применила – пошептала над другим камешком и велела его тоже на шею повесить. Дамочка вмиг стала спокойная, уравновешенная, даже добродушная.

Но только судьба у нее, видно, была тяжелая, а может карма такая – испорченная, но несчастья бедняжку не оставляли. Много раз еще приходила она к колдунье: то видеть перестанет, то слышать, то запахи и цвета пропадут, то есть ничего не может, а то ест все, вплоть до мебели. Страшно сказать, иногда забывала, как и когда нужно женщиной быть. Много у нее уже камешков на шее висело, так что ходила она, сильно вперед наклонившись, и ноги сильно подгибались. Мало того, камешки пришлось подписать, чтобы не попутать и каждый раз все надписи не перечитывать, пока нужный найдешь.

Встретила ее как-то старая знакомая и еле узнала: «Что с тобой приключилось? Ты же у нас на курсе самая счастливая была?». И тут дамочка вспомнила, что со всеми своими несчастьями она вовсе разучилась быть счастливой, забыла, отчего и когда счастье бывает. Доплевалась горемыка до домика колдуньи и стала просить ее Камень счастья сделать, а та в ответ: «Здесь я тебе не помощница. Камень тот только на Синай – горе добыть можно, в Тридевятином царстве». Решила мадам, во что бы то ни стало Камень счастья раздобыть и, хоть другие камни ее шибко вниз тянули, да и здоровье было не очень, все же отправилась в путь. А идти надо было непременно пешком, да семь железных сапог износить. Благо, сапоги купила китайские, дорога короче оказалась. Но дойти еще полдела – надо ж на гору влезть! Повстречалась ей у подножия старушка – седенькая, худенькая, одни кости да мудрость, аж светится.

- Ты почто, сердешная, на гору лезешь?
- За счастьем, бабушка.
- А велико ли счастье, да в чем оно?
- Размером вот с камешек, да и само – камень.

– Ой, беда! Обманули тебя, горемычную! У тебя вон сколь камней, еле идешь, а счастья, как видно, нет. Не ходи ты туда, пропадешь, да и камни свои скидывай, все полегче станет. А я тебе молочка дам, козьего.

Только мадам ни в какую: «Что же я, зря такой путь прошла? Влезу на гору и буду счастлива всю оставшуюся жизнь!». Поугovarивала – поугovarивала её старушка, да и сгинула, как не бывало, а дама на гору полезла. Семь дней бедолага на карачках вверх лезла, а как долезла, осмотрелась и растерялась – какой же из них Камень счастья, когда они все одинаковые. Думала – гадала и решила, что они на волшебной горе все счастливые, а потому выбрала себе камень побольше, чтоб счастья поболее отхватить, взвалила на спину и вниз поковыляла. Только вниз – не наверх, дорога под уклон круто идет и камни с шеи перетягивают. Споткнулась она об кочечку и покати́лась вниз. А как донизу докатилась, Камень счастья ее догнал и прямешенько в голову угодил. Тут из бедняжки и дух вон.

Давным – давно нет на свете дамочки, а камни её целехоньки, во-о-он кучкой на горе и лежат...

2006 г.

Сотворение

Это длинная сказка, в ней можно рассказать, о чем угодно. Но самое главное, что все и всегда в ней идет по Божественному плану.

Важно присматривать за своей планетой и вовремя давать ей то, что нужно. Хотя мы и созданы по Божьему образу и подобию, времени у нас значительно меньше. К тому же, Господь сотворил уже не одну планету и не одну вселенную, а у нас с вами это первый опыт в этой жизни.

Жила-была маленькая крошечка – частичка. Неизвестно, сколько вечностей путешествовала она по вселенным. И откуда она взялась – неизвестно. Была ли она частичкой астероида или пылинкой с какой-то звезды, а может крошкой со стола Господа, никто не знает. Известно только одно – она была. Однажды она почувствовала, что её кто-то толкнул. Пылинка подумала, что сейчас толкальщик уплывет подальше в космос, но он крепко-накрепко к ней прилип.

– Ты кто?

– Я пылинка?

– А ты?

– И я.

Разъединиться они не смогли, срослись, будто приклеились друг к другу. Но пылинки не очень расстроились, им стало веселее вместе. Прошло еще несколько вечностей, и к ним прилипла еще одна пылинка, а потом еще и еще. Теперь пылинки прилипали гораздо быстрее, примерно, раз в вечность, а потом в пол-вечности, и скоро их прилипло так много, что первым пылинкам стало жарко и тесно внутри, они расплавились и закипели, а некоторые даже вырвались наружу, но оторваться совсем не смогли. Получился большущий шар. Глянул Господь, как-то между делом, на шар из пылинок и сказал: «Смотри-ка, новая планета народилась! Красивая какая!» – и погладил рукой. Там, где он погладил, появилось множество новых пылинок – пузырьков. Теперь верхние пылинки не мерзли, они согревали друг друга своим теплом, а воздушные пузырьки не давали космическому холоду их остужать. Так прошло множество времен.

Посмотрел Господь – все идет по Божественному плану. На планете есть капельки воздуха, воды, земли. Верхние пылинки греют нижние, нижние кипят и согревают верхние. «Хорошо!» – сказал он и счастливо вздохнул.

С его выдохом попали на планету несколько необычных пылинок. Сначала они вели себя как все – прилипли и грелись. Но потом стало заметно, что они растут. Из них выросли очень странные комочки. Один тянулся – тянулся вверх и в один прекрасный день превратился в чудесный зеленый росток. Другой был сначала продолговатым, белым, лежал тихо, непо-

движно, но однажды из него послышалось негромкое постукивание, потом показались носик, лапки и крышечка. Это была черепашка. Как обрадовались другие пылинки! Теперь им было кого согреть теплом, поить, кормить, защищать от ветра.

Глянул Господь – все идет по плану...

2006 г.

Царевна, которая стала лягушкой

Жила-была одна Царевна красоты несказанной, ума необыкновенного. И родители у нее были: мама и папа – Царь с Царицею. Тоже люди неглупые и симпатичные. Воспитание, конечно, Царевне дали царское. Обучили всему, что полагается царской дочке знать. Была она способная, училась прилежно, так что к совершеннолетию умела вести себя по-царски. Царственные мудрые повеления и ответы давать: «Да! Нет! Не позволю! Казнить! Помиловать!» – и тому подобное. А если ответа подходящего не было, царственно молчать. Мол, не достойны, плебеи вы несчастные, даже взгляда моего. Или брови грозно хмурить. Умела и пройтись с царственной осанкой, и сидеть величественно на троне, сколько этикет требует. Словом, настало время девушку замуж отдавать. Невеста она была видная и богатая, так что женихов набралось порядочно. Один даже приглянулся ей.

Вот тут-то беда и случилась, неожиданно-негаданно. В самый разгар смотрин раздался шум-гром и ворвался прямо в тронную залу Змей Горыныч. Народ попрятался, кто куда мог, а кто не смог, так просто на пол повалился.

– Что же это вы, Ваши величества, так неосторожны, так и убиться можно, – сочувствовал Змей, поднимая царственных родителей, – а у вас, между прочим, товар драгоценный, а у нас купец. Прошу выдать за меня дочку вашу – Царевну, потому как я воспылал к ней страстью.

Сказал и огнем дыхнул так, что все занавески, как бумага папиросная, вмиг сгорели.

– Ну, вы как? Даете родительское благословение? – А Царь с Царицей не только слово вымолвить, но и рта раскрыть не могут.

– Вы, я вижу, онемели совсем от счастья, вам время нужно, чтобы опомниться. Я завтра прилечу. Только вот думаю, как бы мне аккуратнее спланировать, чтобы терем царский ненароком не задеть, да еще пару деревень. Сено, я видел, у вас совсем подсохло.

Загоготал он, так что стены затряслись, и улетел, только запах гари остался.

Рыдали много, даже голосили, особенно Царевна. Поутихли. Стали рассуждать, что жизнь, она дороже, что дело молодое, стерпится – слюбится. К тому же, Змей – жених богатый, вон сколь добра нахапал. Сунуться, опять же, к нему никто не посмеет. Царевна, поразмыслив, решила, что это даже лучше, когда у мужа три головы, с какой-нибудь, да договоришься.

Согласие дали и закатали пир на весь мир. Пили – ели, а жених – аж в три глотки. Паркет поломали и разъехались.

Постепенно Царевна к мужу попривыкла, вздрагивать перестала, и дома он редко бывал, все больше по делам. А как появится, какую-нибудь безделицу принесет. Она же и так, как сыр в масле каталась. И все бы хорошо, да пришла беда, откуда не ждали. Был у дракона брат – близнец, из одного яйца с ним на свет появился. Решил он жениться. Взял себе в жены Королеву,

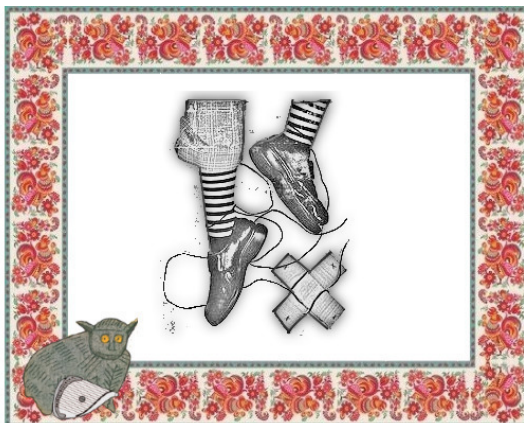
тоже симпатичную и неглупую. Характер у золовки был спокойный, покладистый. А беда из-за самого деверя, змея проклятого, приключилась.

Жили они по соседству, в гости друг к другу захаживали. Вот как-то зашла Царевна к Королевне в гости, а той муж подарок как раз принес – волшебное блюдечко и наливное яблочко. Все в нем видно, как в самом лучшем телевизоре с самой лучшей спутниковой антенной. Много было у Царевны чудесных вещей, а такой не было. Пришла она домой и тут в первый раз заметила, что с лицом у нее что-то неладное, вроде как позеленела слегка. Слугам взбучку дали, как водится, на конюшне. Зеркало выдраили до блеска, но зеленоватый оттенок на коже у Царевны остался. Все шестеро ушей прожужжала Царевна мужу, спать всю ночь не давала, только он все одно твердил, что не может ей блюдечка достать, потому как оно одно на всем белом свете. Утром слуги, как Царевну узрели, вмиг попрятались, поняли, что им от такой зелени зеркало век не очистить. А она, как свое отражение увидела, так еще и волдырями покрылась от злости. Зеркала все перебила и у себя в покоях заперлась. Змей ей и сапоги – скороходы, и скатерть – самобранку принес, а она только кричит не своим голосом, аж шея раздувается. Приводил муж к ней и свою давнюю приятельницу – Бабу – Ягу. Только и она ничего сделать не смогла. Царевна с каждым днем все зеленей и пупырчатей становилась. Постепенно разговаривать перестала, только шею раздувала и квакала. Так Царевна окончательно превратилась в лягушку.

Горыныч за женой ухаживал – мух, комаров приносил, корыто с водой поставил, каждый день с ней разговаривал. Но потом все реже и реже стал в её покои заглядывать. Мужчина он был молодой, в полном расцвете сил, всего триста лет недавно стукнуло. И присмотрел себе невесту – Царевну Несмеяну. Такая видно у него судьба была, не везло ему на невест. Но змей, как и все мы, надеялся на лучшее. Да и где же их, невест царских, наберешься? А лягушку он перед свадьбой отнес подальше, на болото. И еды полно, и жильем обеспечена. Осталась Царевна – лягушка на болоте одна – одинешенька. Хотела было жалобно заквакать, но тут возле нее стрела упала, она ее подняла и стала рассматривать. Тогда-то и нашел ее Иван – царевич, но это уже совсем другая сказка...

2006 г.

О Несчастном Ване и Добром человеке

Жил-был Несчастный Ваня. Вернее сказать, сначала он был просто Ваня. Родился, научился ходить, говорить, ложку держать. Это потом несчастья начались. Выяснилось в одночасье – ложку он держит не так, и гости его засмеяли. Он тогда есть стал потихоньку, в закутке, чтоб никто не видел. Позже в школе так хорошо объяснили, что говорит он не то и не так, что парень заикаться начал и говорить стал, как можно меньше. А как женился, узнал, что и ходит не туда – надо направо, а он налево. Но даже когда он только направо ходил, лучше не становилось, потому как ходил он не так. Ваня совсем затосковал: есть, говорить, а главное, ходить перестал. Сидит сиднем и все. Жена с тещей его бросили, и он вовсе одичал. Оголодал, оброс, даже как будто мхом слегка покрылся и в скамеечку свою вращать начал.

Шел мимо Добрый человек, видит, что-то торчит из земли – пень – не пень, бревно – не бревно. Подошел поближе, присмотрелся, а ОНО живое, глазами хлопает. Добрый человек и спрашивает: «Ты кто?». Ваня только мычит и моргает.

- Не бойся, говори, я тебя не обижу.
- А м-м-можно?
- Можно – можно!
- А как можно?
- А как хочешь!
- А я забыл, как хочу.
- Ты начни помаленьку, там вспомнишь.

Рассказал Ваня Доброму человеку, все как было, тот и говорит:

- Так ты голодный поди, Несчастный Ваня? Вставай-ка, да иди, поешь.
- А как вставать?
- Да, как получится?
- А где поесть?
- Да, Вон там.

Встал Ваня и, вот чудо, пошел, дошел до Вон там и поел. Вернулся к лавочке, а Добрый человек его дожидается.

- Что ж ты, Ваня, вернулся?
- Не знаю я, куда еще можно идти.
- Хоть куда: и Вон туда, и Вон сюда.

Стал Ваня ходить Вон туда, Вон сюда, Вон там. Подстригся, похорошел. Кушает, как хочет, говорит, что хочет и совсем не заикается.

Много ли мало ли времени прошло, только шел мимо скамеечки Ваниной Добрый человек. Глядь, а Ваня снова там сидит, причесанный, умытый, но какой-то невеселый.

– Почто, Ваня, на лавочке сидишь, почто невесело глядишь, не летаешь соколом Туда, Сюда?

– А что я Там не видал? И Там всё видел, и Сям все знаю.

– Ой, ли? Вон где, за углом, пиво свежее.

– Не хочу пива, меня от него пучит.

– А Вон тут баранина жареная – объеденье!

– На что она мне? Я здесь хлеба с маслом поем, оно и ладно.

– А Вона где девки в красных сарафанах песни поют, заывают.

– Не нужны они мне. Я еще жену с тещей забыть не могу, все вздрагиваю.

Поуживал его еще маленько Добрый человек и дальше пошел, дела, видать, у него были.

Много ли мало ли времени прошло, возвращался Добрый человек той же дорогой. Видит, на том месте, где раньше Несчастный Ваня сидел, не то пень, не то колода. Подошёл, присмотрелся, пихнул ногой, оказалось, пень трухлявый. От пинка он весь и развалился. Так умер Несчастный Ваня. А лет ему было всего...

2007 г.

Собачья жизнь

Родилась одна Собака. Вернее, сначала она не собака была, а щенок. Бегала, резвилась, грызла все подряд, ела, что дадут и что найдет. Но постепенно выяснилось, что бегать можно только на длину цепи, есть можно, что и сколько дадут, а, главное, делать нужно только то, что велют. Велели же, разное, скучное: лаять на кого нужно и то не взаправду, а, чтобы боялись; вилять хвостом ни в коем случае нельзя – узнают, что добрая. Самое нестерпимое – обнюхивать, кого нравится, **НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ!**

Постепенно бегать, лаять, вилять хвостом понарошку наскучило, и Собака делала все эти, когда-то приятные, вещи только по необходимости. Хвостом виляла иногда – перед хозяевами; лаяла хорошо поставленным басом, не вставая с места, только если кто-то близко к хозяйскому добру подходил; брезгливо, неохотно обнюхивала породистого пса-медалиста, которого ей каждую весну приводили. От него у нее и дети были. Только были они с ней недолго. Через месяц-другой после рождения щенков увозили в престижную школу-питомник и больше Собака их никогда не видела. Словом, жизнь настала собачья. И от этой собачьей жизни выть хотелось по ночам, но было нельзя.

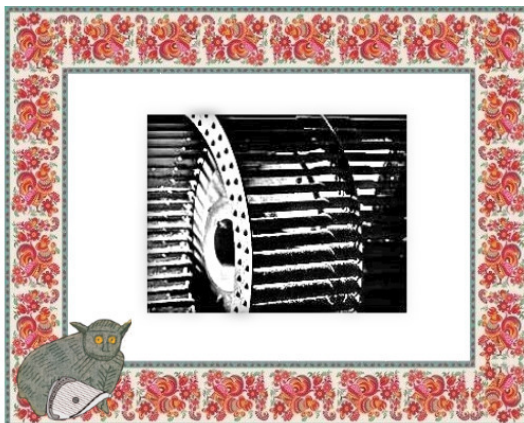
Давно, в молодости, Собака не раз пыталась вырвать кольцо из цепи, чтобы перемахнуть через забор, но со временем поняла – рваться бесполезно, оставалось тоскливо смотреть сквозь прутья решетки на улицу. Раньше её волновала уличная жизнь. Она вздрагивала от запахов, звуков, вступала в собачью перебранку, но постепенно, уяснив, что та жизнь ей недоступна, все реже и реже подходила к забору, а потом и вовсе перестала. Не то что бы Собака состарилась, просто ей все стало ясно в своей незыблемости и неинтересно. Иногда хозяин, решив, что Собака залежалась, отяжелела, заставлял ее по целому часу бегать, приносить палку. Вроде бы, разнообразие, но беготня не приносила ни удовольствия, ни радости, а была скучной обязанностью. Хоть век собачий короток, Собака чувствовала – жить ей еще долго, потому все чаще и чаще хотелось выть по ночам, но она только поскуливала тихонько.

Тем утром Собаку расчесывали. Ошейник сняли, но Собака послушно стояла на месте, до тех пор, пока не распахнулись ворота. И тут неожиданно сильный запах незнакомого пса резанул ноздри. Горячая волна забыто прокатилась по всему телу и толкнула Собаку вперед, на улицу. Она не бежала – летела со скоростью локомотива. Конечно, никакие окрики и команды не в силах были её остановить.

Так началась ее новая собачья жизнь.

2007 г.

Утиная история

Если бы я была человеком, меня наверняка занимал бы вопрос, что появилось сначала – яйцо или курица? Но я утка и меня этот вопрос совершенно не интересует, потому что я знаю ответ: сначала яйцо, потом утка, следом яйцо, дальше утка. И так в любой последовательности, до бесконечности. Я точно знаю, что все время была и яйцом, и уткой бесчисленное множество раз. Слишком уж умный разговор для безмозглой утки? Ума у меня действительно почти нет, но опыт огромный. Когда яйцо выживает во мне, я точно знаю, что оно уже и яйцо, и утка. Все так привычно, что могло бы наскучить, если бы не утиные радости: первый раз самой найти червяка, первый раз нырнуть в воду и поплыть, первый раз снести яйцо. Самая большая радость – первый раз отозваться на зов селезня. Хотя, случаются и неприятности: товарки повыщипывают перья, петух наподдаст шпорой, куры яйцо склюют из вредности. Приходит и Большое несчастье – День забоя откормленных уток. И хотя знаешь, что яйцо уже есть, процедура малоприятная.

Так все и шло своим чередом, пока однажды утром Хозяйка не впустила в птичник Новенькую утку. Когда такое случалось, весь птичий народ оживлялся. Событие! И присмотреться надо к новенькой, и себя показать, и, если что, на место ее поставить. Только Новенькая утка сразу странно себя повела – не по-утиному. К нам спокойно подошла, как ни в чем не бывало, будто всегда тут и была. А когда Главный гусь, ошалевший от такой наглости, попер на нее, даже не шелкнулась, но как только задира вплотную подошел, неожиданно подпрыгнула и толкнула изо всех сил грудью в его грудь. Главный гусь через голову назад перевернулся, да так и остался сидеть. Ясно, что никто больше не рискнул права качать. Все сделали вид, будто ничего не случилось.

Она, конечно, от нас отличалась. Перышки черные, на крыльях красные и зеленые полоски с отливом, как у селезня. Но красотки у нас и раньше бывали. Хозяйка чудила, все хотела новую породу вывести. И смелые утки бывали. Но по-настоящему она нас вечером удивила, когда свет в птичнике погас. Мы в кучку сбились, пригрелись и только засыпать начали, новенькая заговорила, первый раз за весь день: «Когда я была сойкой, спала на ветке, в одиночку. Уткой спать удобнее, уютней».

Все просто онемели от изумления. Правило Света никогда никем не нарушалось. Свет погас – ночь, надо спать, свет горит – день, надо есть. А тут ТАКОЕ! Даже куры проснулись. Но самым удивительным было то, ЧТО она сказала. И до нее были у нас хвастливые пришлые утки, но сочиняли они обычно про то, что когда-то летали, как дикие сородичи, или были где-то дальше птичника. И балаболили обычно днем. Но это! Ни в какие ворота, да и ума ни у кого нет, чтобы сообразить, что ответить или спросить. Она поняла, про нашу сообразительность,

и сама продолжила, без вопросов: «Я раньше не только сойкой была, но и другими разными птицами». Тут к нашей Главной утке дар речи вернулся, и она авторитетно заметила:

– Утки могут быть только утками.

– Все нет! И вы раньше не только утками бывали, да сначала расхотели другими быть, а потом забыли, как это делается.

– Правду говорят, глупее утки – птицы нет, – съязвила Главная курица, – ты, милочка, спи, а то вес потеряешь, чего доброго.

Птицы переполошились и запричитали:

– Так недолго и вес потерять! Не мешай спать!

Уточка замолчала. Но на другой день, когда мы с ней рядом в пруду плавали, я не удержалась и спросила:

– Ты часто такие вещи придумываешь?

– Что ты? Я ничего не придумала, я, правда, все помню. Мы можем стать кем угодно после Дня забоя, нужно только Очень Захотеть. Больше всего мне понравилось быть собакой. Все тебя слушаются, Хозяйка с тобой дружит, бегать можно куда угодно. А там, где угодно, столько интересного. Я теперь обязательно снова собакой буду. Прямо сегодня начну тренироваться.

И ведь не обманула. Вышла из воды и давай отряхиваться как собака, только брызги во все стороны полетели, потом давай по земле кататься, перья сушить – ну, точно, наш Трезор. На этом не успокоилась, стала показывать, как червяка охранять. Только лаять у нее не получалось.

Самое замечательное началось, когда она за Хозяйкой стала ходить и её охранять. Хозяйка Уточины странности заметила и говорит: «Как щенок за мной следом ходит. Порода что ли такая?». Стала новенькую Ньюшей звать. Мы все оставались просто утками, а она – Ньюша. Принесет Хозяйка таз с едой и первым делом зовет: «Ньюша! Ньюша! – а уж потом всех остальных, – Утя! Утя! Утя!» Обижались многие, особенно Главная утка, но помня про падение Главного гуся, на конфликт не решалась.

Все случилось осенью. Уже заморозки начались, близился День забоя. Все со страхом его ждали, Ньюша ничуть не тревожилась, напротив, оживилась и все твердила: «Наконец-то я стану собакой». Внимания на нее не обращали, давно решили – ненормальная. И вдруг, Ньюша пропала. Вечером, как всегда, уснула, прижавшись к моему боку, а утром исчезла без следа. Хозяйка звала её долго-долго, привела Хозяина, он все щели проверил, даже на потолке, все искал лисий лаз. Но никакого лаза не обнаружил. Обыскали все кусты вокруг дома, звали-звали Ньюшу, но она так и не откликнулась. Хозяйка еще долго, заходя в птичник, искала Ньюшу глазами.

Настал День забоя. Обычный страх, паника, темнота сменились теплым покоем в яйце. День рождения, первая травка, первый червяк. Про Ньюшу я, разумеется, забыла. Однажды к сетке птичника подбежал щенок и стал тявкать на меня. Я на всякий случай отошла в сторону, но не испугалась, знала – ему меня не достать. А он все лаял и лаял, но вдруг заговорил по-утиному: «Совсем забыла, что ты не помнишь по-собачьи». Я опешила, только таращилась молча, глупая утка. «Что же ты, совсем меня не помнишь? Ведь я – Ньюша!». И тут я все вспомнила, но ответить не успела. Хозяйка закричала: «Ньюша! Ньюша, ко мне, что ты там забыла, у птичника?»

После нашей встречи я твердо решила в следующий раз стать собакой и начала тренироваться, как Ньюша раньше. Но выходило у меня плохо, я не помнила, как это делается. Чем больше я весила, чем ближе был День забоя, тем меньше верила, что у меня получится. И однажды, когда погас свет, вместо того, чтобы вспоминать, заснула с мыслью: «Зачем? Мне и так неплохо. Главное, пережить День забоя, дальше все снова будет прекрасно». И перестала тренироваться, набрала хороший вес, даже больший, чем у Главной утки. И когда подросшая Ньюша подходила к сетке и звала меня, делала вид, что не слышу.

Потом наступил День забоя...

2007 г.

Как я мечтал быть устрицей

Среди сотен устриц только в одной из случайной песчинки вырастает жемчужина.

Есть специальные фермы, где в устрицах выращивают жемчужины. Устриц без жемчужин едят с лимонным соком. Остальные устрицы просто живут.

Я лежал в теплой, мягкой постели и метал стать устрицей, которая просто живет. Я спокойно лежу в абсолютно гладкой, уютной раковине. Мне не нужен свет, не страшна буря. Даже если начнется шторм, он не сможет причинить мне вреда, вода просто перенесет устрицу с одного места на другое, и уютный домик снова будет покоиться на мягком песке. В отличие от шустрых, но глупых рыбешек, мне не страшны хищники, мой дом – моя крепость. Есть шанс, что огромные человеческие руки вынут меня из воды и, о, ужас, откроют створки острым ножом, запихают нежное тело в безобразную, клыкастую пасть, и моя жизнь закончится. Но есть также шанс что, прилив не принесет меня к тому месту, где ловят устриц, и со мной ничего не случится. Многие часы, дни, годы я буду уютно лежать, постепенно увеличиваясь в размерах. Стенки дома, покрывшись известняком и илом, станут прочнее. Постепенно я состарюсь. Ведь устрицы, наверное, тоже старятся. Настанет день, когда я тихо и спокойно закончу жизнь устрицы. Створки раковины распахнутся, снабдив обедом рыбу-падальщицу, но мне не станет ни страшно, ни безразлично, меня просто не будет. Моя раковина сохранится миллионы лет, но бессмертие для ракушечника лишено смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.